

ПРИТВОРНАЯ БОЛЕЗНЬ

Бывали-живали царь да царица. У царя и царицы был один сын, звали ево, скажем, Уманет. Тут чесно предупредим: нет повести печальнее на свете, чем повесть о бедняге Уманете.

Вскоре царь умер, и царство перешло к ево брату Докладию. Причём не абы как, а пикантным образом опосля скорой женитьбы на вдове прежнево царя Гейтруде. Дело в том, што был Докладий куда хорош собою и пригож! Возлюбила ево царица, вот и вышла за ево, и башмаков не износивши, в которых шла за гробом. Энтот Докладий был совсем не Копин Гагин ни в хозяйстве державном, ни в вопросах раздельново сбора мусора, но до икоты обожал геополитику. Хлебом ево не корми, дай покумекать чё-нть геополитическое. Свита даже специальну игру нарезала ему из бересты под одноименным названьем – с картой, кубиками и солдатиками. Царствовал бы энтот Докладий всласть, но положенье стало вдругорядь сумнительным, поскоку царевич Уманет с другом Гораздием заподозрили ево в злодейском отравлении прежнево царя ядом типа «новичок» в качестве тонково геополитическово вливанья прямо в ухо.

– Прогнило што-то в нашем государстве! – восклицал вдобавок царевич Уманет, имея в виду нераздельный сбор мусора и позорное ево складирование прямо на окраине города вместо тово, штобы сваливать в реки, дабы отнесло оттудова куды подальше в окиян-море.

Своим ходом Уманет затеял собственноручное расследованье отцовской гибели, но, пока вёл, по ошибке проткнул шпагой главново царсково советника Полония-210, отца своей взлюбленной Ахвелии. Тут все сразу поняли, што он не в своём уме. И вот Докладий намекаить царице Гейтруде:

– Как бы нам сынка тваво, Уманета, деть куда-нть? Ить не спроста ён ваньку валяить! На моё место метить, шельма, – в преемники! Кубыть как покойнея было б нам с тобою одними царствовать! А не закрутить ли каку-нть геополитическую войнушку со странами ближнево, а то и – и-эх! – дальнево зарубежья? И послать бы ево туды, а?

А царица ему в ответ:

– Давай лучче ево за границу ушлём на учёбу в како-нть университет.

– Можя, конешно, но слыхал я, к примеру, што исть у нас в чистом поле чудишше о трёх головах. Скажись царевичу больною, вели ему убить чудишше да вынуть из ево все три сердца. А ты б де съела их как лечебное.

На другой день царица разболелась-расхворалась, позвала к сабе царевича и говорить ему таково слово:

– Чадо мое милое, Уманетик! Съезди во поле чистое, убей чудишше о трёх головах, вынь из ево три сердца и привези ко мне: скушаю – авось поправлюся!

Царевич Уманет послушался, сел на коня и поехал.

Во чистом поле привязал он сваво доброво коня к старому дубу, сам сел под дерево и ждётся... Вдруг прилетело чудишше, село на старый дуб – дуб затрещал и погнулся.

– Ха-ха-ха! Будеть чем полакомиться: конь – на обед, молодец – на ужин!

– Ах ты, чудишше погано! Не уловивши бела лебедя, да кушаишь! – заорал царевич, натянул тугой лук и пустил калёну стрелу, потом другую и третью. Сшиб таким макарком все три головы, вынул три сердца, привёз домой и отдал матери.

Царица приказала их изжарить, и они пообедали ими вдвоём с Докладием. Думают, што дальше делать.

– А вот слыхал я, – говорить Докладий, – исть в нашем чистом поле чудишше о шести головах. Пусть-ка царевич с им побореца. Сборет – привезёт ишо шесть сердец.

Царица побежала к Уманету:

– Чадо мое милое, Уманетик! Мне немного полегчало. Но слыхала я, исть в чистом поле другое чудище, о шести головах. Убей ево и привези мене шесть сердец.

Неча и рассказывать, што история повторилася и с энтим чудишшем, а потом и с чудишшем о девяти головах. Тока ужо на втором чудишше пришлось прибегнуть к помощи друга Гораздия, который ловко путался у чудишши под лапами, дабы затруднить им манёвр. В итоге царица с царём съели и шесть сердец, и девять – и совсем талию потеряли. Призадумался крепко Докладий и решил прибегнуть-таки к радикальному средству: послать Уманета на учёбу куды подальше. Вызвал он великосветских сынков Разукраша и Гольденштейна и наказыват им плыть с Уманетом за тридевять земель к королю Назарбасу. И даёт им мешочек с золотом с тайной грамотой, в которой чёрным по белому написано: «Просьба отрубить голову подателю сево в порядке сердешно-дружеской услуги в рамках Евразийсково Сообчества».

Ну, конешно, Уманет ихния планы разгадал, головы полетели наоборот у Разукраша и Гольденштейна (вот не рой другому яму – самому пригодицца), а Уманет вернулся домой, наученный горьким опытом безо всяких университетов. В довершение всех бед попал он прямо с корабля на похороны: утонула невеста ево бывшая Ахвеляя. Не успел он произнести над ея могилою прочувственну речь, как на ево набросился брат ея Луарвик, истеришно пожелавши отомстить и за отца Полония-210, и за сестру, умом тронувшуюся.

И тут царь Докладий, как ни в чём не бывало, порешил свесть их в чесном поединке, для которово всучил Луарвику рапиру, отравленну всё тем же «новичком». А штоб вернее выгорело, приготовил для Умалета такую жу чашу вина. И вот начинаеца поединок, которому друг Гораздий стал свидетелем, а то бы мы о дальнейшем ничево не узнали. Луарвик и Уманет обмениваются ударами, Луарвик царапает рапирой Уманета. Палить пушка в честь кажново удачново выпада учасников. Царица от волненья тянеца к бокалу вина.

– Не пей вина, Гейтруда! – ласково предупреждать ея любяшший муж Докладий, но позно.

Поединок возобновляеца, дуэлянты обмениваюца ударами, потом случайно и рапирами. Луарвик тоже получаит царапину и сознаётся на ухо Уманету, што рапира смертельна. В энтот миг мать восклицает:

– Уманетик, мне плохо!

Тот видить, што мать по-всамделишному терять сознание от подозрительново вина и решаит энту сказку закруглить, хучь и нещастливым концом.

– Так ступай, отравленное жало, по назначенью! – кричить он и к неописуемому удовольствию зрителей одноименной пьесы протыкает рапирой злодея Докладия.

В обчем, все умерли, так как противоядие от «новичка» англичане изобрели значительно позже. А всё потому, што неча со злодеями по глупости связываеца, када они в свою геополитику играют. Так што друг Гораздий и те, хто ишо мало-мальски жив осталси, схоронили погибших и отправилися на поминки. И я там был – поминал, кутью большой ложкой хлебал, по усам текло – в рот ни капли не попало! Чево и вам желаю, так как много пить вредно. Но усы я, ей-бога, как-нть сбрею.